

Тимон Дензел убил бы гостей ассамблеи и смертельно ранил наследного принца Атезии, если бы продолжил выполнять свою работу. Это не только спровоцировало бы императора на действия, но и означало возобновление войны.

Четыре года войны и еще три года на подавление мятежа. Он оказался человеком, готовым заплатить любую цену, если это поможет его дочери выжить. Тем не менее, дочь последует примеру отца.

У каждого своя архимедова точка зрения. На этот раз Мавину повезло, но не уверен, как бы он справился, если бы не воспоминания и документы, которые нашел в спальне. Он, не колеблясь, использовал этот рычаг, чтобы контролировать направление, в котором будет двигаться Тимон Дензел, нашел его слабое место и использовал его.

- Он дал нам много информации, - старина Том сжал челюсти. - Кроме логова главной змеи, он указал по каждому роялисту в городе имя и адрес. Как ты его нашел?

- У меня оказалась предварительная информация. Я также много спрашивал.

- Ты всегда умел находить людей, даже во время войны.

Мавин кивнул. Старина Том скрестил руки на груди.

- На твоём месте я бы пристрелил его.

- Да, это проще, но я хочу, чтобы этот человек остался в Омевии. Его опыт можно использовать для создания чего-то полезного для Лейзона.

- Он планировал создать бомбу?

- Да, это была смесь химикатов и взрывчатых веществ в сочетании с винтовочными механизмами для создания взрыва, достаточно сильного, чтобы разрушить конструкцию. Взрыв был запланирован на фундамент здания, чтобы обрушить его. Он планировал устроить пожар над верхним этажом, чтобы, когда роялисты спустятся по лестнице, спровоцировать еще один взрыв.

- Отвратительно, но это сработало бы в условиях паники. Сынок, они будут задавать вопросы о том, откуда у меня этот список. Хотя пока ничего не произошло, для этого человека заговор против жизни принца и послов - уже преступление.

- Он просто марионетка, управляемая за ниточки. Вы нашли его дочь?

- С ней все в порядке в больнице. Мы перевезли ее в одно из мест в городе, которые мы

контролируем.

- Хорошо. Как только подтвердят, что список соответствует действительности, убедись, что дочь выздоровела, и я лично провожу их до поезда в Лейзон.

- Ты, кажется, забываешь, что я выше тебя по званию, сынок.

- О, прости, я забегаю вперед, Том.

- Если бы это было поле боя и армия, я бы упрекнул тебя в нарушении субординации. Тебе это ничего не даст, сынок. Скажи мне, почему ты хочешь, чтобы этот человек убрался отсюда?

- Есть две вещи, - Мавин поднял пальцы. - Он просто сбит с толку и в отчаянии. Другое дело, я хочу, чтобы такие люди работали на наших заводах, а не были похоронены на глубине шести футов.

- Выбор за тобой, но это все равно преступление.

- И он не находится под нашей юрисдикцией, Том. Если люди узнают, что бывший химик, артиллерист и солдат, принадлежащий федерации, пытался разогнать ассамблею вместе со всеми связанными сторонами, я могу заверить вас, что переговоры будут прерваны прежде, чем все смогут собраться. Ситуация и так напряженная, не нужно еще больше усложнять ситуацию. Кроме того, он будет полезен Омевию своими знаниями. Он сможет отплатить мне, а я нашел человека, который сможет изготовить самодельные взрывные устройства и лучшее оружие для нас. Так что с твоей стороны совершенно неправильно не признавать никаких «заслуг».

- Граф Деррик тебе не откажет.

- Верно, кузен не откажет. Вот почему я планирую позаботиться о том, чтобы все было улажено.

Старина Том пристально посмотрел на Тимона за стеклом.

- У них здесь есть и другие уши, так что пройдет совсем немного времени, и наследный принц все узнает. Другие стороны тоже услышат об этом. Мы можем воспользоваться этим и получить преимущество в наших переговорах. Мне неприятно это признавать, но для нас гораздо выгоднее оставить этого ублюдка в живых.

Старина Том отвернулся. На его лице отразилось упрямство. Том недоволен поимкой Тимона. Он предпочел бы, чтобы Тимон оказался на виселице, но Мавин убедил старину Тома позволить ему разобраться с этой проблемой. К счастью, Тимон признался, рассказал и разъяснил все, что ему было известно о заговоре роялистов, которые пытались возобновить

войну. Он объяснил, что роялисты хотели продемонстрировать свою «решимость» победить врагов империи. Конечно, те же самые роялисты - не более чем оппортунисты, которые хотят продолжить войну ради себя самих. Люди, которых перечислил Тимон, не только принадлежат к семьям, владеющим заводами по производству боеприпасов и оружиемными мастерскими, но и были проимперскими группировками, которые хотели вернуть свои земли империи после того, как федерация отобрала их собственность. Они думали, что если война продолжится, то они смогут производить оружие и боеприпасы для войны, получая от этого прибыль, и в то же время продемонстрировать империи свою решимость снова стать частью дворянской сотни.

Это был план, который принес бы им пользу. Тем не менее, он привел бы к смерти и разрушениям, вынудив хороших молодых людей снова сражаться на поле боя. Никто не хочет возвращаться в те окопы. Никто не хочет снова жить в землянках. Никто не хочет опять пережить пятилетний ад. Мавин знает, что он только устранил главную причину распада. Однако, может ли он быть уверен, что нет других таких же, как Тимон? Он с удовольствием назвал бы роялистов тупыми ублюдками, которых следовало бы поместить в психиатрическую лечебницу, но не готов отрицать, что они хорошо скрываются и у них есть деньги для финансирования своих планов.

Он знает только информацию, содержащуюся на текстовых полях, и обрывки прошлого, которые он смутно помнил. Даже первые несколько имен, которые он услышал от Тимона, ему ничего не сказали.

* * *

Тимон был удивлен тем, как все обернулось. Должен ли он радоваться, что не нужно превращать себя в монстра? А как же Ава, его дочь?

Дверь открылась. Он увидел человека, с которым познакомился день назад. Этот человек словно призрак, возник тогда у него за спиной. Он ожидал звука выстрела из пистолета, думал, что все кончено, но ему сошло с рук то, что он делал, когда этот человек не выстрелил.

Но этот человек знал о его слабости. Он небрежно относился к документам, которые положил на стол, и это привело к тому, что этот человек догадался, в чем его слабость. Он не понимал, почему оказался под дулом пистолета. Он сдался.

- Похоже, у вас все хорошо.

Младший лейтенант скрестил руки на груди. В его серо-голубых глазах отразились эмоции. Так лучше, чем в прошлый раз, когда он впервые посмотрел в глаза Призраку.

- У меня все хорошо.

Он замолчал. Тимон не знает, что сказать. Теперь, когда он отдал все, что у него есть, какая от него польза? Мысли роятся у него в голове. Он чувствовал слабость. Он просто хотел сбросить этот груз, давивший ему на плечи.

- Мы перевели вашу дочь в другую больницу. Кажется, она страдает от приступов кашля. Что это?

- Врачи сказали, что это легочное заболевание. Они кормили мою замечательную дочь лекарствами. У нее была белая кожа, понимаете? Теперь она выглядит так, будто покрыта лимонной кожурой. Я слышал, что у ее матери было то же самое. Ей было всего шесть - семь лет назад. Хотя у меня было достаточно денег, чтобы купить ей лекарства, этого было недостаточно. Я работал химиком, мне пришлось продать часть земель своего отца, чтобы вылечить ее.

- Вы знаете, как она подхватила болезнь?

- У ее матери всегда были слабые легкие. Я даже не знал об этом, пока через две недели после начала войны не выпустили газ. Должно быть, она вдохнула его, когда мы пытались убежать. Я был еще достаточно молод, чтобы командовать артиллерией в городе, поэтому меня пришлось разлучили с ними, понимаете? Из писем я знал только, что моей дочери больно. Я показал ее врачам, но война продолжалась, за ней некому было ухаживать. Мне пришлось нанять сиделку. Во время войны лекарства стоили слишком дорого. Моей жене пришлось продать свои драгоценности и другие вещи.

Он глухо рассмеялся. Тимон заметил, что Призрак только слушает.

- Я сражался за пределами города. Мне сказали, что мы будем защищаться от империи. Время от времени мне приказывали управлять пушками. Я должен был это делать. Если бы я позволил имперским войскам прийти, что тогда стало бы с моей дочерью и женой? Я думал про себя, что так будет до тех пор, пока я жив. Я продолжал бороться. Я продолжал посылать деньги. У меня была недвижимость, но покупателей не нашлось. Мне пришлось продать некоторые вещи, и даже те, которые я пытался продать, стали залогом антикоагулянтных лекарств, которые должна была принимать моя дочь. Я не боялся обстрелов. Мое сердце и разум были заняты ими.

Он схватился за голову.

- Но... один из имперских снарядов умудрился попасть в населенный пункт в Южном городе. Затем они продолжали посылать снаряд за снарядом по расположенным там артиллерийским установкам. Обычно мне удавалось увидеться со своей женой, когда я не управлял гаубицами. Я прождал несколько часов, но она так и не вернулась домой. Я слышал от ее друзей, что она отправилась в ломбард в городе Саут, чтобы продать еще кое-что из своих вещей. Знаете, где я ее нашел? В одной из ям от снарядов, с оторванной нижней частью туловища. Она держала в руках кошелек с купюрами, предназначенными для нашей дочери. Почему она? Я продолжаю спрашивать, почему попали в нее. Мне хотелось выругаться. Мне хотелось закричать и вырвать

свое сердце из груди. Но как я мог это сделать, если она была не единственной, кто умер в тот день?

Он рассмеялся, как будто его позабавила какая-то шутка.

- Они установили каменную плиту возле моего дома. Мою жену зовут так же, как и меня. Каждый день я зажигал свечи. Знаете, почему я смог сохранить оружие, сэр? Потому что я не хочу потерять город. Пять лет мне приходилось просить милостыню и транжирить деньги. Все богатство, накопленное моим предком, было потрачено впустую из-за дорогостоящего лекарства, которое производится в Холмии. Многие из моих друзей погибли, сражаясь. Мы не пустили в город ни одного проклятого имперского солдата. Мы продолжаем бороться, потому что у нас было что-то дорогое для нас, что стоило больше, чем жизнь. Мне приходилось выживать ради дочери. Я полагался на свою зарплату, чтобы поддерживать ее жизнь, и на контрабанду, которую провозил тайком. Я всегда мог использовать пайки, выдаваемые правительством, чтобы сэкономить деньги. Все, что у меня было, - это жизнь моей дочери. Но по мере того, как война становилась все более ожесточенной, миллионы людей гибли, а иностранцы, которые обычно привозили лекарства, покидали континент. Мне пришлось прибегнуть к помощи контрабандистов, чтобы достать лекарства. Вы знаете, сколько они просят? В четыре раза больше первоначальной суммы, и это без учета стоимости доставки. Но я должен был платить. Я должен был это делать. Она была моим светочем, сэр. Как я мог сдать, когда она продолжает бороться, несмотря на войну и свою болезнь. Семь лет в этой больнице. Семь гребаных лет моей маленькой девочке пришлось расти в этой гребаной палате.

Он схватился за волосы.

- Ей было восемь, когда она спросила, куда подевалась ее мама. Я предпочел бы получить пулю в лоб, чем сказать ей, что мама умерла, но я все равно сказал. Знаете, что она ответила мне, сэр? Что она не будет плакать, потому что она большая девочка. Если она заплачет... мне станет грустно. Разве это не забавно? Моя маленькая девочка такая сильная, в то время как ее папа такой слабый.

Младший лейтенант был сбит с толку.

- Зачем тогда это делать?

- Сэр, вы видели этот город? Мы пять лет удерживали оборону. Братья и сестры Флоста погибли, чтобы не допустить империю в наш город. Вы знаете, что они сделали? Они пустили вас как ни в чем не бывало! Как будто все, кто погиб в тот день, были не более чем камешками! Скажите мне, сэр, если командующий войсками, который несет ответственность за смерть вашей жены, вошел в ваш город, а вы ничего не можете с этим поделать, как бы вы поступили?

Призрак не ответил.

- Этот ублюдок просто вошел сюда с важным видом, как будто это его новый дом. Он не улыбался, у него было мрачное выражение лица. И это меня разозлило. Я хотел, чтобы он был

каким-нибудь самодовольным ублюдком, который посмеялся бы над нашим городом. Тогда меня не обвинили бы в том, что я пустил ему пулю в лоб. У меня даже не было шанса. Скажите, если бы нация, за которую вы так упорно сражались, вдруг пригласила бы ваших врагов. Что бы вы почувствовали? А как насчет жизней, которые были отданы при защите этого города?

- Я все еще не понимаю, почему вы присоединились к роялистам.

- Потому что они помнят, что в моих жилах течет благородная кровь. Мой дед был членом дворянской сотни, и только благодаря всевышнему мой отец присоединился к федерации. Либо мы присоединяемся, либо нас обезглавят. Особого выбора у нас не было. В тот момент, когда они впустили имперцев, я знал, что не смог бы снова сражаться за то, за что сражались они. У меня не было бы никакого желания притворяться, что они мне нравятся. Я не смог бы этого вынести, сэр.

Он не мог смириться, что город впустил своих врагов. Тимон даже не мог выместить на них свой гнев, справиться с этим гневом.

- Так ты хочешь отомстить?

- Мечь? - он громко рассмеялся. - Повернет ли убийство сотни солдат империи время вспять? Вернет ли это мою жену? Заплатят ли за лекарство моей дочери сто голов? Вылечит ли это ее? Сэр, когда я смотрел на парней, которые в тот день входили в город, я не чувствовал ничего, кроме того, что это полная чушь. У одного из них даже волосы на подбородке не растут. Я не гребанный монстр, сэр. Я никогда не хотел мести. Я не хочу мстить. Я только чувствую, что мое государство меня предало. Я чувствую себя оскорбленным тем, что оно впустило наших врагов. Но я не собирался становиться каким-то ублюдком, который вот так стреляет в молодых парней, когда в этом нет необходимости.

Он думал об этом. Многие хотели отомстить. Были времена, когда он не мог удержаться и присоединился к толпе, чтобы избивать имперских солдат. Но ему это надоело. Он не хотел идти к своей дочери и позволить ей узнать, что ее любимый папа избивал маленьких детей. Он был рад, что война закончилась, правда был рад. Но это означало, что у него теперь нет возможности под предлогом войны заработать деньги на продаже контрабанды. Контрабанда, которую он вывозил из города, была его единственной надеждой. С приходом империи, нордианцев и франков в их город-государство для переговоров, безопасность в городе стала более строгой, а контрабанда в городе стала опасным способом получения денег. Он смог зарабатывать деньги, вернувшись к своей старой работе химика. Но этого было недостаточно, чтобы покрыть расходы на лекарства для его дочери.

Поэтому, когда к нему в дверь постучался роялист и попросил помочь в создании бомбы, которая привела бы к расторжению договора, он задумался. Если бы он смог создать бомбу, то смог бы заработать целое состояние и уехать из этого города. Сумма, которую они предлагали, была достаточно велика, чтобы переманить на их сторону. Его не интересовали деньги сами по себе. Но мысль о том, что эти деньги помогут вылечить его дочь, стала шансом, который он не мог упустить. Даже если это означало обречь свою душу на адские муки. Даже если это означало, что миллионы людей должны будут умереть из-за его творения. Он сделал бы это

ради своей дочери.

Он смирился с этим, потому что у него не было другого выхода. У него остался доступ к оружейному складу, потому что все еще был частью артиллерийского расчета города. Ему также разрешен доступ к химикатам, которые понадобятся для приготовления ингредиентов, необходимых для изготовления бомбы. Два месяца назад он начал проект с изучения конструкции. Отметив слабость конструкций, он разработал бомбу, способную обрушить всю крышу ассамблеи на всех послов и официальных лиц, присутствовавших при подписании договора.

Он тогда подумал, что просто обязан это сделать. Но ему не давала мысль о том, что он станет причиной многих смертей. Но шли недели, он сидел один в своем подвале, когда стали поступать счета, и у него не оставалось времени на покупку лекарств для дочери, а проценты по кредитам продолжали расти. Он был вынужден это сделать. Он должен был продолжать работать ради нее. Он не мог даже показаться на глаза своей прекрасной дочери.

Он позволил своей слабости соблазнить его. Если бы младший лейтенант не застал его за работой над бомбой два дня назад, он уверен, что продолжил бы работать. Он бы продолжал делать эту бомбу до тех пор, пока не смог бы успешно использовать ее, чтобы взорвать сборку и возобновить войну.

Ради своей дочери он был готов стать чудовищем.

По крайней мере, так он уверял себя.

Младший лейтенант слушал спокойно. Тимон был рад, что тот не оскорбил его, не унизил, не сказал ему, что он какой-то монстр. Тимон не уверен, сочувствует он ему или нет. Но он знает, что не осуждает его. Если бы он начал говорить о жалости или рассуждать о том, какие могли быть последствия, он бы проигнорировал его и больше никогда с ним не заговорил.

- Я понимаю, - вот и все, что он сказал. - Вашей дочери сейчас тринадцать?

- Да.

- Я не стану говорить вам, что вы были не правы. У каждого свои причины, и судить о вас как о добром или злом человеке, навешивать на вас ярлык сумасшедшего не пойдет нам на пользу. Эта война началась из-за того, что хорошие люди не придвигали свои стулья друг к другу, а просто разговаривали. Они говорили о таких понятиях, как свобода масс, в то же время бросая на поле боя те же массы, от которых они хотели быть свободными. Есть много причин, по которым может начаться война. С моей точки зрения, три союзника оказались плохими парнями, потому что напали первыми. Империя начала сопротивляться и победила. Вы называете нас монстрами. И мы называем вас так же. Миллионы людей погибли из-за альянса трех стран. Миллионы молодых людей и невинных гражданских лиц погибли от обстрелов или отравления газом. В чем был смысл? Кто от этого выиграл? Но знаете, что они всегда отвечали мне, когда я спрашивал солдат: «За что вы сражались?» - и почти все отвечали, что хотели

защитить свою семью и родину. Есть те, кто сделал это ради чести, и есть те, кто сделал это ради борьбы. Сколько человек погибло из тех пушек, которыми вы управляли? Сколько людей вы сбили? Одна смерть - это просто убийство, а много смертей - просто цифры.

Он сказал это без всякого выражения. Его голос был таким тихим, что у Тимона по спине пробежал холодок.

- Этот договор считается поверхностным. Это всего лишь международный договор, который позволил бы вовлечь страны и залечить их раны. Это хрупкий мир, который может разрушиться даже без бомбы, которая помешала бы его подписанию. Даже если бы мы ничего не сделали, чтобы остановить это. Есть много факторов, которые могут изменить ситуацию. Бесчисленное множество «если» могут сорвать переговоры. Вы знаете, что они говорят о вашем признании? Мой начальник считает, что я должен был выстрелить вам в спину. Остальные присутствующие здесь офицеры сказали, что вы совершили тяжкое преступление, что я должен притащить тебя к самому принцу и заставить умолять сохранить тебе жизнь. Тимон, ты заставил себя думать, что можешь стать монстром. Я верю, что ты тоже мог стать им, - он наклонился вперед. - Ты знаешь, что они сказали мне, если бы ты не признался?

- Ч-что?

- Я должен притащить вашу дочь сюда, приставить пистолет к ее голове и заставить ее умолять вас признаться во всем, что вам известно о роялистах.

Глаза Тимона расширились.

- Вы бы поступили неправильно! - его подбородок задрожал. - Пожалуйста, нет, нет, я рассказал вам все, что знаю. Не втягивайте в это мою дочь!

- Я не буду. Так что возвращайся на свое место, Тимон.

Тимон несколько раз кивнул головой. Его сердце бешено колотилось, и множество мыслей крутилось в голове, пока он слушал младшего лейтенанта с невероятным страхом в сердце.

- Ваша дочь пробыла в этой больнице слишком долго. Она подружилась с персоналом и в свободное время занималась с ним репетиторством. Говорят, что у Авы Дензел доброе сердце к таким юным людям. Ей нравится наблюдать за маленькими сиротами, которые живут рядом с больницей. Поэтому было трудно забрать ее из больницы. Она, должно быть, очень волновалась, когда ее внезапно забрали имперские войска. Это был ее второй дом, который она хорошо знала. Нам повезло, что вы согласились сотрудничать, Тимон. Здесь есть люди, которые готовы стать чудовищами, если это позволит им отправить парней домой. Вашу дочь могли наказать только потому, что она ваша дочь.

- Я...

- Вы были загнаны в угол и вынуждены пойти на это, потому что ни один из известных вам методов больше не работал. Я не осмелюсь сказать, что полностью понимаю, к чему вы клоните. Это выбор, который вы сделали после того, как испробовали все возможное, чтобы сохранить жизнь вашей дочери. В некотором смысле, я уважаю вас за то, что стараетесь изо всех сил, хотя и не согласен с выбранным вами способом. Знаете, почему я не пристрелил вас?

Тимон поднял голову.

- Вы выглядели так, словно отчаянно искали выход. Если бы я не вспомнил о той кукле и кольце, чтобы напомнить о том, что осталось у вас внутри, вам было бы абсолютно наплевать на остальные вещи. Я бы справился со своей работой. Но вам было не все равно. У вас был усталый вид, и вы нашли повод вовремя остановиться.

- Да, - слабым голосом произнес Тимон.

Он для этого человека как открытая книга. Он обнаружил, что не способен быть деликатным или говорить загадками. Он просто устал и был готов выслушать и понять.

- Я пять лет сражался на поле боя без отдыха. Я столько лет уворачивался от пуль и артиллерии, что должен был превратиться в кусок дерьма. Бывали дни в окопах, когда я хотел, чтобы это поскорее закончилось. Любой, кто скажет, что у него и в мыслях не было, чтобы все это закончилось, - большой лжец. В те пять лет я убивал, как мне и приказывали. Даже после окончания войны мне приходилось бывать в разных местах, чтобы рассказать скорбящим матерям и вдовам о судьбе их любимых. Они бросались на меня и требовали вернуть их сына. Я не возражал, когда меня били. Черт возьми, иногда я думал, что это все еще худшая работа, за которую я брался. Выжить на войне - уже само по себе подвиг, и я остаюсь верен этому убеждению. Никому не может повезти дважды, и мысль о том, что кто-то пытается возобновить этот ад, вызывает у меня желание разорвать его на части.

Он уставился в одну точку после того, как сказал это.

Тимон задрожал. Младший лейтенант в тихой ярости. Его внутренний гнев заставляет его чувствовать себя слабой мышью перед Призраком. Тимон не может посмотреть Призраку в глаза, опасаясь, что его будут преследовать.

- Я не виню вас за то, что вы сделали. Я не настолько иррационален, чтобы возлагать всю вину на того, кто цеплялся за последнюю соломинку. Легко нажать на курок, но понять кого-то сложнее, и на это требуется время. Время, которое можно потратить, чтобы решить все с помощью силы. Если уж на то пошло, вам повезло, Тимон. Вы действительно везучий.

Тимон опустил глаза.

- Зачем вы это делаете?

- Не буду лгать. Я помогаю вам не только по доброй воле, даже если вас вынудили это сделать. Вы все равно пытались использовать свои таланты, чтобы совершить убийство. Я хочу, чтобы такой талант появился у моей семьи в обмен на безопасность вас и вашей дочери. Я хочу, чтобы ваши таланты и опыт были использованы на наших заводах.

Тимон недоверчиво посмотрел на него.

- Вы хотите нанять меня?

- Да, и это уже не тот выбор, который вы можете сделать. Многие хотели бы насадить вашу голову на пику.

- А как же моя дочь?

- Она будет переведена в больницу в городе Сахус, - он встал. - Я Мавин Томас, член семьи Томас. Я уверяю вас, что если вы будете правильно использовать свои таланты, ваша дочь будет в надежных руках. Кто знает? Она могла бы даже развить свой талант и стать медиком.

- А лечение моей дочери?

- Мы общались с иностранными государствами, Тимон. Один из городов Холмии в настоящее время является городом-побратимом Йорви. Мы можем попросить антикоагулянтные препараты из тех, что они доставляют самолетами.

Тимон горько улыбнулся.

- Понимаю. Похоже, я буду делать бомбы для вашего народа.

- Да. Вы должны отплатить мне за это одолжение, а учитывая, что бомба, которую вы изготовили у себя в подвале, потенциально может помочь Лейзону защититься, я был бы не прочь принять вас и дать шанс.

- А что насчет роялистов?

- Роялисты? - Мавин угрожающе улыбнулся. - Пройдет совсем немного времени, прежде чем полковник проинформирует и убедит четыре группировки в городе искоренить их и вытащить из тени. Если империя выставит тех роялистов на всеобщее обозрение, чтобы каждый представитель прессы мог их видеть и слышать, все начнут думать, что империя делает все возможное для установления мира, несмотря на действия, предпринятые против нас тремя союзными нациями. Город Флост будет обвинен в некомпетентности, и у них не останется иного выбора, кроме как сотрудничать, если они не хотят, чтобы иностранные государства сочувствовали только империи.

Тимон не знает, что и думать. Но среди людей, которых могли выдать властям, он мог стать тем человеком, но только выиграет от их падения. Ему нечего сказать или добавить. Это предложение он ни за что не посмеет упустить, иначе посчитал бы себя безумцем.

- Идемте.

- Хм?

Сэр Мавин подошел к двери.

- Пройдет совсем немного времени, и они начнут выгонять крыс из их нор. Я хочу, чтобы вы ушли, пока они не смогли вас в чем-нибудь обвинить. Если возможно, я бы хотел, чтобы вы сели на моноплан прямо до Лейзона, но состояние вашей дочери не позволяет этого сделать. Так что не сидите сложа руки, давайте отправимся в путь.

Тимон встал и последовал за Мавином из здания к машине. Он сел в машину, все еще сохраняя растерянное выражение лица. Он не знает, как разложить все это по полочкам в своей голове. Он может только молчать, пока младший лейтенант ведет машину к больнице, расположенной в верхнем районе города. Выйдя из машины, он последовал за младшим лейтенантом в вестибюль, где обнаружил знакомую бледнолицую фигуру в широкополой шляпе и розовой кружевной одежде. На плечах у нее темно-синее пальто, и она держит свой багаж длинными тонкими ручками. Увидев Тимона, его дочь сразу же подошла к нему и стала задавать вопросы. Он не смог ответить ни на один из них, так как младший лейтенант затащил их обратно в машину и направился напрямик на железнодорожную станцию, расположенную в Глумкроссин.

- Отец... что происходит?

- Я... прости... дочь моя. Есть некоторые обстоятельства, которые я не могу сейчас разъяснить.

Ее дочь достаточно умна, чтобы понять, что происходит нечто странное. Она не задает ни одного вопроса и держит отца за руку. Она молода. Такая юная, бледная и болезненная. Если бы он продолжил свой путь, остался бы у нее кто-нибудь, кто поддержал бы ее? Время, которое потребовалось, чтобы они добрались до железнодорожного вокзала, оказалось самым долгим в его жизни.

Тимон пытался держаться, наблюдая за тем, как его дочь уверенно идет вперед.

Он может только снова проклинать себя за свою слабость. И вместе с этой слабостью пришла правда. Он рассказал своей дочери, почему им нужно бежать и куда они направляются. Он ожидал, что его отвергнут. Он хотел, чтобы ее дочь бросила его.

- Мне очень жаль.

- Хм?

- Я... заставила отца пойти по такому пути... из-за меня ты мог стать таким...

Его дочь всхлипывает, сотрясаясь всем телом. Она старалась изо всех сил, но вместо этого произнесла слова утешения. Эти двое могут только держаться друг за друга.

Когда они приблизились к поезду, Тимон, который от стыда не мог поднять головы, увидел, что его дочь стоит перед младшим лейтенантом. Маленькая спина, которая пострадала из-за болезни, прямо сейчас возвышается перед его глазами, как гора.

Она выросла.

- Сэр, я знаю, что не имею права просить вас об этом... но, пожалуйста, - она склонилась перед ним головой, - проследите, чтобы соглашение прошло гладко!

Мавин Томас опустился на колени и улыбнулся ей.

- Вы можете положиться на меня, юная леди. Так что позаботьтесь о себе и своем отце, хорошо?

- Я обязательно позабочусь!

- Это обещание.

Он протянул руку. Его дочь пожала руку сэру Мавину. Затем он повернулся к Тимону.

- Счастливого пути, Тимон Дензел. Я надеюсь, что мы еще встретимся в следующий раз. Дважды думай, прежде чем от чего-то отказываться.

Тимон не знает, почему все так обернулось. Нет никакой необходимости делать все это для них.

Он не может подобрать слов, поэтому ответил только «спасибо», когда поезд отошел от станции.

Он задумался.

Почему этот человек рад больше, чем он?

<http://tl.rulate.ru/book/61952/4460515>